

Н. Бестужев

Об удовольствиях на море

Письмо к***

Русские альманахи: Страницы прозы / Сост. и автор примечаний В. И. Коровин.-- М.: Современник, 1989 (Классическая библиотека "Современника")

OCR Бычков М. Н.

Пользуясь впечатлением, которое осталось в вас последним посещением Кронштадта, спешу отвечать на вопрос, сделанный вами прежде: почему я избрал себе скучный род морской службы. Я нарочно ожидал случая, чтобы доказательства мои были подкреплены собственным вашим убеждением; для меня довольно было, что вы видели военный корабль и восхищались его устройством. Вам понравилось все на этой плавающей машине; вы признались, что живое чувство неожиданно великого до сих пор наполняет еще ваши мысли приятным воспоминанием. "Но опасности,-- говорите вы,-- но скука долгого плавания, вечное однообразие предметов, молчанье страстей -- красоты нашей жизни не позволяют видеть в службе моряков ничего приятного!"

Послушайте меня -- и если вы не согласитесь, что наша служба может быть приятна, по крайней мере я лишний раз поговорю о ней с удовольствием.

Не буду разбирать: судьба или наши наклонности заставляют избирать род службы; жребий мореходца делается в самой юности и в десять лет должно быть записану в морской корпус. Надобно знать, что последние три года пред выпуском кадет посылают на кораблях в море для практики... Сии, возвращаясь осенью из своих походов, рассказывают случившееся, описывают виденное -- и юные слушатели, кипя от восторгов, с неизъяснимым чувством ожидают той счастливой минуты, когда успехи в науках и отличие в поведении доставит им случай самим видеть и испытать слышанное от товарищей. Таким образом, с молодых ногтей, еще не быв на море, они заранее с ним знакомы, питают и укрепляют сердце свое заблаговременными повествованиями, и вместе с другими страстями их растет любовь к службе.

Первое прибытие на корабль довершает очарование воображения, которое в сем случае идеалом своим уступает вещественности. В самом деле, никто не вообразит того впечатления, которое производит огромный корабль, плавающий на воде, вооруженный громадою пушек в несколько этажей, снабженный мачтами, превосходящими высочайшие деревья, перепутанный множеством веревок, из коих каждая имеет свое название и назначение, обвешанный парусами, невидными, когда подобраны, и ужасными величиною, когда корабль взмахнет ими как крыльями и птицею полетит бороться с ветрами и волнами. Сотни людей населяют его; для юного сердца он кажется целым плавающим городом. Настают бури; пучина разверзается; корабль стонет,-- неопытный юноша смотрит на выражение лиц начальников своих -- видит спокойствие, и думает, что буре так быть надобно. Не понимая ужасов, беспечно любитесь борьбою стихий; они становятся для него предметом любопытства, и, прежде нежели разум его постигнет меру опасности, он уже знакомится с нею, привыкает ее видеть без боязни и хладнокровно уже впоследствии встречает ее.

Таким образом, с самой юности, мореходец вменяет в ничто ужасы природы, и силою привычки он так же беззаботно пускается в море, как вы ложитесь в вашу постелью.

При таком спокойном расположении духа -- вы, конечно, поверите -- можно найти удовольствие на море; чтобы исчислить их, надобно бы описать всю нашу жизнь корабельную; но, не входя в подробности, я постараюсь начертать легкий ее абрис.

Не распространюсь о том, что, прежде выступления корабля в море, надобно вооружать и оснащать его, что это вооружение имеет свои приятности, ибо каждый, изготовляя корабль, заботится о нем столько же, как бы строил себе дом, с тою только разностью, что соревнование службы и товарищества берут здесь сильное участие в самолюбии каждого. Казалось бы, что общая форма в вооружении всех кораблей должна быть одинакова: но со всем тем каждый корабль некоторым образом носит отпечаток вкуса и сведений того офицера, который его вооружает. Есть тонкости и в этом искусстве, не приметные глазу неопытному, но составляющие красоту форм вооружения, и в сих-то